

Снаружи запечатанной области Цянькунь по-прежнему стался слой прозрачного, светящегося тумана.

Когда по приказу Фу Линцзюня всех способных к бою культиваторов разделили на пятёрки и отправили прочёсывать область Цянькунь в поисках любых странностей, никто ещё не понимал, чего именно он добивается.

Лишь когда один из отрядов, присоединившийся к старейшинам секты Фэнъинь, обнаружил в гостинице, снятой домом Хэ из Кунчаня, мёртвого слугу и потерявшую сознание госпожу Хэ, все наконец поняли, что искал Фу Линцзюнь.

— Так значит, Цзян Чанъюань и правда не умер... — один из культиваторов поднял голову и уставился на массив, окруживший всю область Цянькунь. — Он схватил юношу, который был рядом с Фу Шэном. Куда они могли деться?

С момента происшествия прошло всего два-три часа, и многие из тех, кто залечивал раны в башне Цяньцяо, ещё почти ничего не знали. Только теперь, когда тот отряд разнёс весть, новость понемногу дошла до остальных.

— Да откуда мне знать, где мог спрятаться Цзян Чанъюань? Я ему не родственник.

— А тот юноша, кажется, возлюбленный Фу Шэна?

— А? Но это же мужчина...

— Да ты вообще о чём сейчас думаешь?! Главное не это! Главная беда в том, что Цзян Чанъюань утащил человека, который был рядом с Фу Шэном! Мы же не знаем, чем всё это кончится. А если... если Фу Шэн окажется у него в руках, что тогда будет с нашим огнём жизни?

— Может, выйдем и поищем? — предложил кто-то. — Всё-таки чем больше людей, тем лучше.

Другой культиватор слабо возразил:

— Даже если мы их найдём... и что дальше? Всей толпой мы всё равно не одолеем Цзян Чанъюаня.

По тону было ясно: мол, пусть Фу Линцзюнь с Цзян Чанъюанем разбираются сами, а он тихо посидит здесь и подождёт новостей.

В его словах, впрочем, была своя правда.

Во всём Люхэ святых можно было пересчитать по пальцам одной руки — всего пятеро, и это ещё вместе с Фу Линцзюнем и Цзян Чаньюанем. Остальные... Хуай Шоусинь всё это время поддерживал Янь Цунси духовной силой, продлевая ему жизнь, а Шэн Жолинь и вовсе не явился в область Цянькунь. Так что, какими бы грозными фигурами они ни были снаружи, сейчас им оставалось только честно признать своё бессилие и беречь жизнь.

— И что с того, одолеем мы его или нет? — из толпы раздался ясный, твёрдый юношеский голос. — Фу Шэн не убил никого из нас, а Цзян Чаньюаня вообще однажды уже зарубил. Значит, он наш благодетель. Теперь человека рядом с ним похитили, сам Цзян Чаньюань неизвестно где, и мы тем более должны объединиться и отправиться на поиски.

Все повернулись на голос.

Говорившим оказался юноша лет семнадцати-восемнадцати. Ростом он был высоким, но с милого лица ещё не сошла детская округлость, из-за чего выглядел он совсем юным.

Это был Хуай Чэнъинь.

Кто-то его узнал и тихо буркнул:

— Пф, тебе-то, конечно, хочется идти искать. Пока Фу Шэн скрывал личность, он ведь как раз с вами и держался.

Слух у культиваторов был острым. Слова эти прозвучали негромко, но Хуай Чэнъинь всё равно расслышал их без труда. Он уже собирался ответить, когда его перебил другой голос.

Раздвинув толпу, к нему подошёл Е Чжэнвэнь, а рядом ступал могучий серебристый тигр. Без своей обычной несерьёзности он будто совсем стал другим человеком, и от него так и веяло заносчивой юной дерзостью:

— Главный массив области Цянькунь откроется только через семь дней. Если Цзян Чаньюань победит, как ты думаешь, что будет с нами?

С лёгкой усмешкой он остановился рядом с Хуай Чэнъинем. Серебристый тигр, громадный даже по человеческим меркам, оскалил клыки, чуть пригнул мощные передние лапы, весь напрягся и глухо зарычал.

Пока они заперты в области Цянькунь, даже духовные послания наружу не отправить, а внешний мир ничего не знает о происходящем внутри. Если Цзян Чаньюань и правда использует того юношу, чтобы убить Фу Шэна, то, боюсь, никому из культиваторов, видевших его настоящее лицо, уже не уйти живым.

Репутация у Фу Линцзюня и без того давно испорчена. Убить его, а затем перебить всех культиваторов, запертых в области Цянькунь, и свалить всю грязь на Фу Линцзюня — после этого Цзян Чаньюань всё равно сможет и дальше оставаться тем самым безупречно чистым святым даосского пути.

Того, кто говорил раньше, задело, что какой-то богатенький юнец вот так прилюдно его осадил. Он вскинул подбородок и спросил:

— С чего это мы должны идти только потому, что ты так сказал? Кто вообще знает, где спрячется Цзян Чаньюань? Если мы разделимся и начнём искать поодиночке, как тогда с ним справляться?

В углу всё это время стоял ещё один человек. Он украдкой поглядел на двух юношей в центре толпы и медленно сжал руки в рукавах. Похоже, он наконец решился. Стиснув зубы, он вышел из тени.

— Кажется, я знаю, где может скрываться Цзян Чаньюань.

Для большинства этот голос был незнаком. Все обернулись и увидели человека, целиком скрытого под чёрным плащом.

Зато Хуай Чэнъинь и Е Чжэнвэнь в тот же миг переглянулись.

Это был Ци Е.

— С чего ты взял, что знаешь, где он может быть? — Е Чжэнвэнь, уверенный, что именно Ци Е убил Ци Цунъюя, встретил его без всякой доброжелательности.

Ци Е явно не хотел выносить свои дела на всеобщее обозрение. Он поджал губы и сказал:

— Обитель Десяти Сторон. Юго-западный угол. Там есть маленький двор. Возможно, он там. Если... если вы и правда хотите идти.

Договорив, он не стал дожидаться новых вопросов от Е Чжэнвэня и поспешно ушёл.

К тому времени, как все наконец решились вместе идти в обитель Десяти Сторон, прошло ещё больше получаса. В самой обители Десяти Сторон было непривычно тихо. Все собравшиеся не раз бывали здесь на Пире Десяти Сторон и знали местную планировку достаточно хорошо.

Когда они приблизились к юго-западному углу, ветер донёс до них какой-то густой, трудноописуемый смрад.

Летний воздух и без того стоял тяжёлый, а с примесью сладковато-гнилого запаха стал и вовсе невыносим. Некоторые культиваторы на полпути просто запечатали себе обоняние, и только так им стало чуть легче.

Дальше и правда обнаружился маленький дворик. Только его уже успели разнести подчистую: камни и кирпичи валялись на земле, разбросанные по всему двору.

Солнечный свет лился через развороченную дверь в комнату, полную сгнившей соломы.

У самого входа сидел крепкий мужчина. Он неподвижно сторожил проход, похожий на маленькую гору.

— Брат Сян Син!..

Хуай Чэнъинь и Е Чжэнвэнь обрадовались и уже хотели броситься вперёд, но Сян Син насторожённо поднялся с земли и могучим телом загородил проломленную дверь.

— Не пускать. Внутрь.

Хуай Чэнъиню почудилось, будто внутри кто-то лежит, и он поспешно спросил:

— Как молодой господин Цзян? Где господин Линь... господин Фу? Может, нужна помощь?

Когда Сян Син увидел, что к этому месту идёт столько людей, он уже был готов сорвать цепь и просто всех разогнать. Но стоило ему заметить на лице Хуай Чэнъиня такую искреннюю тревогу, как здоровяк заколебался.

Он и сам столкнулся с чем-то совершенно непонятным.

Сяо Бай всего лишь сказал, что хочет спать.

Но пока он спал, снова превратился из человека в пушистый комочек.

Сян Син не понимал, что именно произошло, но чувствовал одно: Сяо Бай ранен, и его дыхание с каждой минутой слабеет.

Он боялся, что Сяо Бай так и не проснётся.

— Он... он правда не Му Хэн? — старейшина секты Фэнъинь, увидев Сян Сина, не удержался и несколько раз внимательно на него посмотрел.

Среди присутствующих и правда были те, кому довелось когда-то видеть знаменитого главу секты Сюэцзи Му Хэна.

Рослый, могучий, с неисчерпаемой силой. Созданный им защитный золотой колокол до сих пор считался сильнейшим оборонительным заклятием среди даосских техник.

— Но ведь... когда в Гуанлине случилась беда, разве глава и заместитель главы секты Сюэцзи не погибли оба, когда преследовали Фу Шэна, который, будучи ступенью ниже, всё же зарубил их?

Едва прозвучали эти слова, как на него уставились мёртвенно-тяжёлые глаза Сян Сина.

— За... рубил? — медленно повторил он, растерянно моргнув.

* * *

То ли совесть у него и вправду была нечиста, то ли ещё что, но Цзян Тану упорно казалось, что слово «прислуживать» из уст Фу Линцзюня звучит как-то совсем уж двусмысленно.

Но ни Фу Юэбай, ни Му Фаньюань, похоже, даже не заметили странности в его формулировке.

Шесть дней. Целых шесть дней Фу Линцзюнь держался только на пилюлях Небесного Восполнения, и громовое пламя успело заполнить уже половину спальни. И всё же в безнадёжный седьмой день он вдруг чудом очнулся — да ещё и рядом с ним обнаружился невесть откуда взявшийся красивый юноша?

— Шэн-эр... у тебя ничего не болит? — спросил Фу Юэбай, изо всех сил стараясь не смотреть на сидящего на полу растрёпанного юношу, и повернулся к сыну.

Тот и правда казался слабым, но по сравнению с тем мёртвенным затишьем, в котором он находился в прошлые дни, нынешний Фу Линцзюнь был для Фу Юэбая уже чудом и несказанной радостью.

Фу Линцзюнь, не подавая виду, скользнул взглядом по Цзян Тану, который на полу уже почти готов был умереть от смущения, и снова негромко кашлянул.

— Ничего. Просто немного устал.

Сказав это, он медленно прикрыл глаза, явно давая понять, что больше говорить не хочет.

Фу Юэбай хотел спросить ещё что-то, но Му Фаньюань спокойно покачал головой и знаком

велел ему сначала выйти вместе с ним.

Очнувшийся Фу Линцзюнь явно не горел желанием что-либо объяснять. Раз уж сейчас его состояние, по крайней мере на вид, было в порядке, лучше сперва выйти и спокойно обсудить дальнейшие действия.

Лишь когда шаги за дверью стихли, Цзян Тан осознал, что мало того что познакомился с родителями, да ещё и при совершенно неподходящих обстоятельствах. Он даже поприветствовать их толком не успел.

От этой мысли у него сразу разболелась голова.

И хуже всего было то, что стоило людям уйти, как в комнате опять остались только он и Фу Линцзюнь. Когда тот только-только очнулся, Цзян Тан думал лишь о том, как бы сбежать. Но теперь, когда вокруг стало тихо, неловкость ощущалась вдвое сильнее.

Он никак не мог решить, с чего начинать: сначала обвинить Фу Линцзюня в том, что тот его покусал, а потом ещё и целовал, или сначала объяснить, почему он вообще оказался здесь.

— Говори.

Полулежавший на кровати Фу Линцзюнь, несмотря на слабость, смотрел по-прежнему остро. Его взгляд был резким, как длинный клинок, вынутый из ножен всего на вершок.

Цзян Тан опешил.

И что именно он должен говорить?

Это что же, ещё и нападение с опережением? Между прочим, вчера первым полез вовсе не он! Да и не первым поцеловал тоже!

В голове Цзян Тана вихрем пронеслась тысяча совсем непристойных картин, и в итоге он решил прикинуться дурачком:

— Господин Юйань, я... не понимаю.

Фу Линцзюнь чуть приподнял бровь.

Он долго молча смотрел на юношу, а когда заговорил, в голосе уже чувствовалось тяжёлое давление:

— Кто ты?

Цзян Тан замер.

Всё тело у него сковало, но он всё равно упрямо ответил:

— Я Фу Тан. Господин Юйань... вы разве меня не помните?

— Кроме этого имени, — Фу Линцзюнь, похоже, слегка мучился головной болью и медленно потёр висок бледными пальцами. — Кто ты?

Цзян Тан чуть не онемел.

Да что вообще сейчас происходит с Фу Линцзюнем? Что именно тот хочет узнать?

У Цзян Тана было слишком много личин: и его маленький ученик, и подобранный белый пушистик, и парень, ради него вошедший в сон. Которую из этих личин сейчас имел в виду Фу Линцзюнь? Цзян Тан был бы и рад ответить, да только сам не понимал, что именно можно выдумать. Хоть бы намёк какой дал.

Они молчали довольно долго, и в какой-то момент Цзян Тан понял, что сидеть на полу ему уже совсем невмоготу.

С тех пор как он свалился с кровати, он всё это время сидел на ледяном каменном полу. Тихо сменив позу, он начал подниматься.

— Сливовые пирожные, вишнёвый крем, фужун-мунуань, — вдруг произнёс Фу Линцзюнь. После тяжёлой болезни голос у него всё ещё был немного хриплым.

Это... это же...

У Цзян Тана дёрнулся кадык, а сердце забилось как бешеное.

— Плоды цинлин, жареная ледяноокая змея, сжигающая души, жаркое из кусочков Серебrolунного Кролика.

С каждым новым названием любимой еды, слетавшим с губ Фу Линцзюня, Цзян Тан застывал всё сильнее, а на середине подъёма снова плюхнулся обратно на пол.

— Ты... ты откуда... — как Фу Линцзюнь из этого мира вообще мог знать, что он любит? Всё, что тот сейчас перечислил, разве не было именно тем, что он обычно обожал покупать в области

Цянькунь, когда выдавался случай полакомиться?

Произнося одно название за другим, Фу Линцзюнь неотрывно наблюдал за лицом юноши. Тот был слишком простодушен и совершенно не умел ничего скрывать. У него не только всё было написано на лице — это будто бы проступало даже в душе.

И стоило Фу Линцзюню назвать очередное блюдо, как выражение лица напротив само подтверждало: да, всё это правда.

— Мне приснился сон.

Фу Линцзюнь чуть склонил голову и посмотрел на человека, что неотступно переплетался с его сном.

— Очень длинный... очень длинный кошмар.

<http://bllate.org/book/17032/1723104>